

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН О ЛЮБВИ

Сергей Есенин

О любви

«Public Domain»

Есенин С. А.

О любви / С. А. Есенин — «Public Domain»,

Стихи Сергея Есенина о любви чужды романтического высокомерия в отношении к женщине. Поэт словно бы стыдится своей любви и прикрывается руганью, восторгом, улыбкой. Да, эти стихи застенчивы. Может быть, пресловутая тайна русской души как раз и заключается в застенчивости русского человека.

Содержание

Екатерина Маркова. «Я люблю другую...»	5
Стихотворения	9
Подражание песне	9
* * *	10
* * *	11
* * *	12
* * *	13
* * *	14
* * *	15
Моя жизнь	16
Что прошло – не вернуть	17
* * *	18
* * *	19
Узоры	20
Девичник	21
* * *	22
* * *	23
* * *	24
* * *	25
* * *	26
* * *	27
* * *	28
* * *	29
* * *	30
* * *	31
* * *	32
* * *	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Сергей Есенин Стихи о любви

Екатерина Маркова. «Я люблю другую...»

*Свет такой таинственный,
Словно для единственной —
Той, в которой тот же свет
И которой в мире нет.*

С. Есенин

Трудно найти у Сергея Есенина стихи не о любви. Любовь – мирочувствование Есенина. Он явился на свет, чтобы любить, жалеть и плакать над каждым теленочком, сломанной березой, деревней, раздавленной стальными дорогами городов...

Его любовь к Земле, родившей каждое деревце – чувственна. Под небом, обнимающим землю, березка задирает юбку... Всеохватность эротического чувства, доходящего до религиозности... Есенин чужд пантеизму, он православный крестьянин, только христианство его – на вольном ветре рязанщины, другое. Правую щеку он подставляет пурге, урагану. Жалость – разлита в его творчестве, жалость к каждому кобелю...

Гораздо меньше у Есенина стихов, обращенных к женщине. В этих стихах Сергей Есенин как бы перебарывает свою природу. В деревне не принято, глубинно, исторически не принято, выказывать свои чувства... От невесты до жены – расстояние как от неба до земли.

Он не мог бы, например, подобно Блоку, назвать Русь женой, для крестьянского уха – это почти кощунственно по отношению к Родине...

Не гляди на меня с упреком,
Я презренья к тебе не таю,
Но люблю я твой взор с поволокой
И лукавую кротость твою.

Да, ты кажешься мне распростертой,
И, пожалуй, увидеть я рад,
Как лиса, притворившись мертвой,
Ловит воронов и воронят.

Ну, и что же, лови, я не струшу.
Только как бы твой пыл не погас?
На мою охладевшую душу
Натыкались такие не раз.

Не тебя я люблю, дорогая,
Ты лишь отзвук, лишь только тень...

Есенин сравнивает женщину с хитроумной лисой, ему ближе и понятней лиса, чем женщина. В деревне все ясно, вот девушка-невеста, ее век краток, как ранняя весна. А вот – мать семейства, быстро теряющая молодые черты в круговых заботах о доме. Невеста – это девство в самом сакральном смысле этого слова. Мариенгоф пишет в своей книге: «Зинаида (Райх,

мать двоих детей Есенина. – Е. М.) сказала ему, что он у нее первый. И соврала. Этого – по-мужицки, по темной крови, не по мысли – Есенин никогда не мог простить ей. Трагически, обреченно не мог... Всякий раз, когда Есенин вспоминал Зинаиду, судорога сводила его лицо, глаза багровели, руки сжимались в кулак: «Зачем соврала, гадина!»

В городе, да еще начала XX века, да еще в богемной среде, невестой остаются чуть не на всю жизнь. Манящей, ищущей жениха, но невестой скорее от лукавого...

Поэтический дом Есенина расширен до мироздания, где «в уши сыпятся звезды... вода есть символ очищения и крещения во имя нового дня».

Муза Есенина помнит «тайну древних отцов вытираться листвою... долг жизни по солнцу», «отношение к вечности, как к родительскому очагу» – в этом благословение жизни для Есенина. Такова его «избяная Литургия».

Другое, чуждое его миропорядку, восприятие, душа Есенина не приемлет и не смирится с ним. Его бунт – в самоистреблении, бунт не просто против стальной конницы, бунт этот против разрушенного мироздания, созданного предками...

Там, где капустные грядки
Красной водой поливает восход,
Клененочек маленький матке
Зеленое вымя сосет.

Стихи 1910 года, написанные в 15 лет, Есенин таким оставался до могилы... Он никак не мог жить взрослой прагматичной жизнью, по Есенину, для души – это гроб. Его проклятья в адрес женщин происходят от великой любви, от недостижимого, созданного еще в ранней юности воображением поэта Образа...

Сыпь, гармоника. Скука... скука...
Гармонист пальцы льет волной.
Пей со мной, паршивая сука,
Пей со мной.

Излюбили тебя, измызгали –
Невтерпеж.
Что ж ты смотришь так синими брызгами?
Али в морду хошь?

В огород бы тебя на чучело,
Пугать ворон.
До печенок меня замучила
Со всех сторон.

Сыпь, гармоника. Сыпь, моя частая.
Пей, выдра, пей.
Мне бы лучше вон ту, сисястую, —
Она глупей...

Но вот конец стихотворения, —

К вашей своре собачей
Пора простыть.

Дорогая, я плачу,
Прости...прости...

В глубоко чуждом, где чиста только гармонь, которая становится одушевленной, поэт, прозревая святую женскую природу, говорит: «Дорогая, я плачу...»

Если перенестись во времени и пространстве, вспоминается знаменитая сцена с Марлоном Брандо в фильме «Последнее танго в Париже», где герой посылает проклятья уже во гроб своей любимой, но изменявшей жене...

У Есенина скандал – почти всегда Плач, тот самый народный Плач, с заглавной буквы...

В детстве, первую свою влюбленность (это была Анна Сардановская), он пережил словно гётевский Вертер – трагично, напился уксусной эссенции, но испугался и выпил много молока... Анна – это дочь родственников константиновского священника, которые приезжали на лето. Два лета девочка увлечена была поэтическим Сергеем с конфетной внешностью Леля, они уже считались женихом и невестой, а на третье – выросла выше крестьянского мальчишки и влюбилась в другого...

В эти годы написано:

Выткался на озере алый свет зари.
На бору со звонами плачут глухари.

Плачет где-то иволга, схоронясь в дупло.
Только мне не плачется – на душе светло.

Знаю, выйдешь к вечеру за кольцо дорог,
Сядем в копны свежие под соседний стог.

Зацелую допьяна, изомну как цвет,
Хмельному от радости пересуду нет...

Любовь – это слишком больно... Сергей Есенин, похоже, решил заглушить в себе самую возможность влюбиться – эта боль не совмещалась с желанием стать известным поэтом...

В Москве он сошелся с нелюбимой, но замечательно чуткой и культурной барышней Анной Изрядновой, родился сын... Есенин презирал себя за нелюбовь, за некий расчет в этих отношениях, что никак не вписывалось в его понятия о чести... «Мое я – это позор личности. Я выдохся, изолгался и, можно даже с успехом говорить, похоронил или продал свою душу черту, – и все за талант. Если я поймаю и буду обладать намеченным мною талантом, то он будет у самого подлого и ничтожного человека, – у меня... Если я буду гений, то вместе с этим буду поганым человеком...» – пишет он своему другу Марии Бальзамовой. Подпись в письме – «прохвост Сергей Есенин».

Душа нуждалась в покаянии... Город, украшенный полупустыми, осмеянными церквями, мог дать только богемную среду да откровения в «Бродячей собаке»...

С неприкаянностью медведя-шатуна, разбуженного от прекрасного сна слиянности с природой, он разрушал чужие жизни, жизни женщин, любивших его. Скоропалительная женитьба на Зинаиде Райх, которую он оставил в конце концов с двумя детьми, оставил в пожизненной растерянности и недоумении... Увлеченность Айседорой Дункан, связанная с экзотичностью отношений. В возрасте уже танцовщица с мировым именем испытывала к нему материнские чувства...

Что-то похожее на первую любовь проявилось к актрисе Августе Миклашевской, но ее спас, по-видимому, платонизм любви Есенина...

Любовная лирика Есенина – собирательна, она посвящена какой-то другой, не встреченной женщине...

Лидия Кашина, соседская дочь толстосума, замужняя с двумя детьми, считается прообразом Анны Снегиной. Но в поэме просвечивают черты и Анны Сардановской и других... Не встретил Есенин на земле среди женщин ни одной, своей, подобно создателю Экклезиаста...

Любовь Есенина – из другого измерения. В этом загадка его неслыханной популярности. До сих пор на его могиле ночуют бродяги и читают перевирая: «И глухо, как от подачки,/ Когда бросят ей камень в смех,/Покатились глаза собачьи /Золотыми звездами в снег...»

А сколько раздражителей. В избах, в камерах тюрем и просто за студенческой скамьей Литинститута... У сердца – наковка «Не жалею, не зову, не плачу»... Есенин случаен в плеяде поэтов, даже самых лучших. Он другой, он – внуче Велесов.

Подобно двум следователям (добрый и злой), большевицкие главари то кнутом бухаринских статей, то пряником пытались приручить Душу России, они чувствовали, что выразитель ее именно Есенин. Не приручив – расправились... Жизнь Есенина – суть притча о судьбе России.

В северных губерниях про ненастье говорят:

Волцы задрали солнечко.

Стихотворения

Подражание песне

Ты поила коня из горстей в поводу,
Отражаясь, березы ломались в пруду.

Я смотрел из окошка на синий платок,
Кудри черные змейно трепал ветерок.

Мне хотелось в мерцании пенистых струй
С алых губ твоих с болью сорвать поцелуй.

Но с лукавой улыбкой, брызнув на меня,
Унеслася ты вскачь, удилами звеня.

В пряже солнечных дней время выткало нить...
Мимо окон тебя понесли хоронить.

И под плач панихид, под кадилый канон,
Все мне чудился тихий раскованный звон.

[1910]

* * *

Выткнулся на озере алый свет зари.
На бору со звонами плачут глухари.

Плачет где-то иволга, схоронясь в дупло.
Только мне не плачется – на душе светло.

Знаю, выйдешь к вечеру за кольцо дорог,
Сядем в копны свежие под соседний стог.

Зацелую допьяна, изомну, как цвет,
Хмельному от радости пересуду нет.

Ты сама под ласками сбросишь шелк фаты,
Унесу я пьяную до утра в кусты.

И пускай со звонами плачут глухари,
Есть тоска веселая в алостях зари.

[1910]

* * *

Дымом половодье
Зализало ил.
Желтые поводья
Месяц уронил.

Еду на баркасе,
Тычусь в берега.
Церквами у прясел
Рыжие стога.

Заунывным карком
В тишину болот
Черная глухарка
К всенощной зовет.

Роща синим мраком
Кроет гольтьбу...
Помолюсь украдкой
За твою судьбу.

[1910]

* * *

Сыплет черемуха снегом,
Зелень в цвету и росе.
В поле, склоняясь к побегам,
Ходят грачи в полосе.

Никнут шелковые травы,
Пахнет смолистой сосной.
Ой вы, луга и дубравы, —
Я одурманен весной.

Радуют тайные вести,
Светятся в душу мою.
Думаю я о невесте,
Только о ней лишь пою.

Сыпь ты, черемуха, снегом,
Пойте вы, птахи, в лесу.
По полю зыбистым бегом
Пеной я цвет разнесу.

[1910]

* * *

Под венком лесной ромашки
Я строгал, чинил челны,
Уронил кольцо милашки
В струи пенистой волны.

Лиходейная разлука,
Как коварная свекровь.
Унесла колечко щука,
С ним – милашкину любовь.

Не нашлось мое колечко,
Я пошел с тоски на луг,
Мне вдогон смеялась речка:
«У милашки новый друг».

Не пойду я к хороводу:
Там смеются надо мной,
Повенчаюсь в непогоду
С перезвонною волной.

[1911]

* * *

Хороша была Танюша, краше не было в селе,
Красной рюшкою по белу сарафан на подоле.
У оврага за плетнями ходит Таня ввечеру,
Месяц в облачном тумане водит с тучами игру.

Вышел парень, поклонился кучерявой головой:
«Ты прощай ли, моя радость, я женюсь на другой».
Побледнела, словно саван, схолодела, как роса.
Душегубкою-змеею развилась ее коса.

«Ой ты, парень синеглазый, не в обиду я скажу,
Я пришла тебе сказаться: за другого выхожу».
Не заутренние звоны, а венчальный переклик,
Скачет свадьба на телегах, верховые прячут лик.

Не кукушки загрустили – плачет Танина родня,
На виске у Тани рана от лихого кистеня.
Алым венчиком кровинки запеклися на челе, —
Хороша была Танюша, краше не было в селе.

[1911]

* * *

Темна ноченька, не спится,
Выйду к речке на лужок.
Распоясала зарница
В пенных струях поясок.

На бугре береза-свечка
В лунных перьях серебра.
Выходи, мое сердечко,
Слушать песни гусяра.

Залобуюсь, загляжусь ли
На девичью красоту,
А пойду плясать под гусли,
Так сорву твою фату.

В терем темный, в лес зеленый,
На шелковы купыри,
Уведу тебя под склоны
Вплоть до маковой зари.

Моя жизнь

Будто жизнь на страдания моя обречена;
Горе вместе с тоской заградили мне путь;
Будто с радостью жизнь навсегда разлучена,
От тоски и от ран истомилась грудь.

Будто в жизни мне выпал страдания удел;
Незавидная мне в жизни выпала доля.
Уж и так в жизни много всего я терпел,
Изнывает душа от тоски и от горя.

Даль туманная радость и счастье сулит,
А дойду – только слышатся вздохи да слезы,
Вдруг наступит гроза, сильный гром загремит
И разрушит волшебные, сладкие грезы.

Догадался и понял я жизни обман,
Не ропщу на свою незавидную долю.
Не страдает душа от тоски и от ран,
Не поможет никто ни страданиям, ни горю.

1911—1912

Что прошло – не вернуть

Не вернуть мне ту ночь прохладную,
Не видать мне подруги своей,
Не слышать мне ту песню отрадную,
Что в саду распевал соловей!
Унеслася та ночь весенняя,
Ей не скажешь: «Вернись, подожди».
Наступила погода осенняя,
Бесконечные льются дожди.
Крепким сном спит в могиле подруга,
Схороня в своем сердце любовь.
Не разбудит осенняя вьюга
Крепкий сон, не взволнует и кровь.
И замолкла та песнь соловьиная,
За моря соловей улетел,
Не звучит уже более, сильная,
Что он ночью прохладною пел.
Пролетели и радости милые,
Что испытывал в жизни тогда.
На душе уже чувства остывшие.
Что прошло – не вернуть никогда.

1911—1912

* * *

Заиграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха.
Выходи встречать к околице, красотка, жениха.

Васильками сердце светится, горит в нем бирюза.
Я играю на тальяночке про синие глаза.

То не зори в струях озера свой выткали узор,
Твой платок, шитьем украшенный, мелькнул
за косогор.

Заиграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха.
Пусть послушает красавица прибаски жениха.

[1910—1912]

* * *

Зашумели над затоном тростники.
Плачет девушка-царевна у реки.

Погадала красна девица в семик.
Расплела волна венки из повилик.

Ах, не выйти в жены девушке весной,
Запугал ее приметам лесной.

На березке пообъедена кора, —
Выживают мыши девушку с двора.

Бьются кони, грозно машут головой, —
Ой, не любит черны косы домовой.

Запах ладана от роши ели льют,
Звонки ветры панихидную поют.

Ходит девушка по бережку грустна,
Ткет ей саван нежнопенная волна.

Узоры

Девушка в светлице вышивает ткани,
На канве в узорах копыя и кресты.
Девушка рисует мертвых на поляне,
На груди у мертвых – красные цветы.
Нежный шелк выводит храброго героя,
Тот герой отважный – принц ее души.
Он лежит, сраженный в жаркой схватке боя,
И в узорах крови смяты камыши.
Кончены рисунки. Лампа догорает.
Девушка склонилась. Помутился взор.
Девушка тоскует. Девушка рыдает.
За окошком полночь чертит свой узор.
Траурные косы тучи разметали.
В пряди тонких локонов впуталась луна.
В трепетном мерцанье, в белом покрывале
Девушка, как призрак, плачет у окна.

1914

Девичник

Я надена красное монисто,
Сарафан запетлю синей рюшкой.
Позовите, девки, гармониста,
Попрощайтесь с ласковой подружкой.

Мой жених, угрюмый и ревнивый,
Не велит заглядывать на парней.
Буду петь я птахой сиротливой,
Вы ж пляшите дробней и угарней.

Как печальны девичьи потери,
Грустно жить оплаканной невесте.
Уведет жених меня за двери,
Будет спрашивать о девической чести.

Ах, подружки, стыдно и неловко:
Сердце робкое охватывает стужа.
Тяжело беседовать с золовкой,
Лучше жить несчастной, да без мужа.

1915

* * *

Не бродить, не мять в кустах багряных
Лебеды и не искать следа.
Со снопом волос твоих овсяных
Отоснилась ты мне навсегда.

С алым соком ягоды на коже,
Нежная, красивая, была
На закат ты розовый похожа
И, как снег, лучиста и светла.

Зерна глаз твоих осыпались, завяли,
Имя тонкое растаяло, как звук,
Но остался в складках смятой шали
Запах меда от невинных рук.

В тихий час, когда заря на крыше,
Как котенок, моет лапкой рот,
Говор кроткий о тебе я слышу
Водяных поющих с ветром сот.

Пусть порой мне шепчет синий вечер,
Что была ты песня и мечта,
Всё ж кто выдумал твой гибкий стан
и плечи —
К светлой тайне приложил уста.

Не бродить, не мять в кустах багряных
Лебеды и не искать следа.
Со снопом волос твоих овсяных
Отоснилась ты мне навсегда.

[1915—1916]

* * *

Опять раскинулся узорно
Над белым полем багрянец,
И заливается задорно
Нижегородский бубенец.

Под затуманенную дымкой
Ты кажешь девичью красу,
И треплет ветер под косынкой
Рыжеволосую косу.

Дуга, раскальваясь, пляшет,
То выныряя, то пропав,
Не заморозит, не обмахнет
Твой разукрашенный рукав.

Уже давно мне стала сниться
Полей малиновая ширь,
Тебе – высокая светлица,
А мне – далекий монастырь.

Там синь и полымя воздушней
И легкодымней пелена.
Я буду ласковый послушник,
А ты – разгульная жена.

И знаю я, мы оба станем
Грустить в упругой тишине:
Я по тебе – в глухом тумане,
А ты заплачешь обо мне.

Но и поняв, я не приемлю
Ни тихих ласк, ни глубины.
Глаза, увидевшие землю,
В иную землю влюблены.

* * *

Белая свитка и алый кушак,
Рву я по грядкам зардевшийся мак.

Громко звенит за селом хоровод,
Там она, там она песни поет.

Помню, как крикнула, шигая в сруб:
«Что же, красив ты, да сердцу не люб.

Кольца кудрей твоих ветрами жжет,
Гребень мой вострый другой бережет».

Знаю, чем чужд ей и чем я не мил:
Меньше плясал я и меньше всех пил.

Кротко я с грустью стоял у стены,
Все они пели и были пьяны.

Счастье его, что в нем меньше стыда,
В шею ей лезла его борода.

Свившись с ним в жгучее пляски кольцо,
Брызнула смехом она мне в лицо.

Белая свитка и алый кушак,
Рву я по грядкам зардевшийся мак.

Маком влюбленное сердце цветет,
Только не мне она песни поет.

* * *

Я по первому снегу бреду,
В сердце ландыши вспыхнувших сил.
Вечер синею свечкой звезду
Над дорогой моей засветил.

Я не знаю – то свет или мрак?
В чаще ветер поет иль петух?
Может, вместо зимы на полях,
Это лебеди сели на луг.

Хороша ты, о белая гладь!
Греет кровь мою легкий мороз.
Так и хочется к телу прижать
Обнаженные груди берез.

О лесная, дремучая муть!
О веселье оснеженных нив!

Так и хочется руки сомкнуть
Над древесными бедрами ив.

* * *

Вот оно, глупое счастье,
С белыми окнами в сад!
По пруду лебедем красным
Плавает тихо закат.

Здравствуй, золотое затишье,
С тенью березы в воде!
Галочья стая на крыше
Служит вечерню звезде.

Где-то за садом несмело,
Там, где калина цветет,
Нежная девушка в белом
Нежную песню поет.

Стелется синею рясой
С поля ночной холодок...
Глупое, милое счастье,
Свежая розовость щек!

* * *

Гаснут красные крылья заката,
Тихо дремлют в тумане плетни.
Не тоскуй, моя белая хата,
Что опять мы одни и одни.

Чистит месяц в соломенной крыше
Обоймленные синью рога.
Не пошел я за ней и не вышел
Провожать за глухие стога.

Знаю, годы тревогу заглушат.
Эта боль, как и годы, пройдет.
И уста, и невинную душу
Для другого она бережет.

Не силен тот, кто радости просит,
Только гордые в силе живут.
А другой изомнет и забросит,
Как изъеденный сырю хомут.

Не с тоски я судьбы поджидаю,
Будет злобно крутить пороша.
И придет она к нашему краю
Обогреть своего малыша.

Снимет шубу и шали развяжет,
Примостится со мной у огня.
И спокойно и ласково скажет,
Что ребенок похож на меня.

[1916]

* * *

Л.И. Кашиной

Зеленая прическа,
Девическая грудь,
О тонкая березка,
Что загляделась в пруд?

Что шепчет тебе ветер?
О чем звенит песок?
Иль хочешь в косы-ветви
Ты лунный гребешок?

Открой, открой мне тайну
Твоих древесных дум,
Я полюбил печальный
Твой предосенний шум.

И мне в ответ березка:
«О любопытный друг,
Сегодня ночью звездной
Здесь слезы лил пастух.

Луна стелила тени,
Сияли зеленыя.
За голые колени
Он обнимал меня.

И так, вдохнувши глубоко,
Сказал под звон ветвей:
«Прощай, моя голубка,
До новых журавлей».

* * *

Закружилась листва золотая
В розовой воде на пруду,
Словно бабочек легкая стая
С замираньем летит на звезду.

Я сегодня влюблен в этот вечер,
Близок сердцу желтеющий дол.
Отрок-ветер по самые плечи
Заголил на березке подол.

И в душе и в долине прохлада,
Синий сумрак как стадо овец,
За калиткою смолкшего сада
Прозвенит и замрет бубенец.

Я еще никогда бережливо
Так не слушал разумную плоть,
Хорошо бы, как ветками ива,
Опрокинуться в розовость вод.

Хорошо бы, на стог улыбаясь,
Мордой месяца сено жевать...
Где ты, где, моя тихая радость,
Всё любя, ничего не желать?

[1918]

* * *

Не жалею, не зову, не плачу,
Всё пройдет, как с белых яблонь дым.
Увядающая золотом охваченный,
Я не буду больше молодым.

Ты теперь не так уж будешь биться,
Сердце, тронутое холодком,
И страна березового ситца
Не заманит шляться босиком.

Дух бродяжий, ты всё реже, реже
Расшевеливаешь пламень уст.
О, моя утраченная свежесть,
Буйство глаз и половодье чувств.

Я теперь скупее стал в желаньях,
Жизнь моя? иль ты приснилась мне?
Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне.

Все мы, все мы в этом мире тленны,
Тихо льется с кленов листьев медь...
Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло процветать и умереть.

[1922]

* * *

Я обманывать себя не стану,
Залегла забота в сердце мглистом.
Отчего прослыл я шарлатаном?
Отчего прослыл я скандалистом?

Не злодей я и не грабил лесом,
Не расстреливал несчастных по темницам.
Я всего лишь уличный повеса,
Улыбающийся встречным лицам.

Я московский озорной гуляка.
По всему тверскому околотку
В переулках каждая собака
Знает мою легкую походку.

Каждая задрипанная лошадь
Головой кивает мне навстречу.
Для зверей приятель я хороший,
Каждый стих мой душу зверя лечит.

Я хожу в цилиндре не для женщин —
В глупой страсти сердце жить не в силе, —
В нем удобней, грусть свою уменьшив,
Золото овса давать кобыле.

Средь людей я дружбы не имею,
Я иному покорился царству.
Каждому здесь кобелю на шею
Я готов отдать мой лучший галстук.

И теперь уж я болеть не стану.
Прояснилась омусть в сердце мглистом.
Оттого прослыл я шарлатаном,
Оттого прослыл я скандалистом.

[1922]

* * *

Сыпь, гармоника. Скука... Скука...
Гармонист пальцы льет волной.
Пей со мною, паршивая сука,
Пей со мной.

Излюбили тебя, измызгали —
Невтерпеж.
Что ж ты смотришь так синими брызгами?
Иль в морду хошь?

В огород бы тебя на чучело,
Пугать ворон.
До печенок меня замучила
Со всех сторон.

Сыпь, гармоника. Сыпь, моя частая.
Пей, выдра, пей.
Мне бы лучше вон ту, сисястую, —
Она глупей.

Я средь женщин тебя не первую...
Не мало вас,
Но с такой вот, как ты, со стервою
Лишь в первый раз.

Чем больше, тем звонче,
То здесь, то там.
Я с собой не покончу,
Иди к чертям.

К вашей своре собачьей
Пора простыть.
Дорогая, я плачу,
Прости... прости...

[1923]

* * *

Мне осталась одна забава:
Пальцы в рот – и веселый свист.
Прокатилась дурная слава,
Что похабник я и скандалист.

Ах! какая смешная потеря!
Много в жизни смешных потерь.
Стыдно мне, что я в бога верил.
Горько мне, что не верю теперь.

Золотые далекие дали!
Всё сжигает житейская мреть.
И похабничал я и скандалил
Для того, чтобы ярче гореть.

Дар поэта – ласкать и карябать,
Роковая на нем печать.
Розу белую с черною жабой
Я хотел на земле повенчать.

Пусть не сладились, пусть не сбылись
Эти помыслы розовых дней.
Но коль черти в душе гнездились —
Значит, ангелы жили в ней.

Вот за это веселие мути,
Отправляясь с ней в край иной,
Я хочу при последней минуте
Попросить тех, кто будет со мной, —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.